

УДК 330.11      DOI: 10.14451/1.222.477

## Креативный класс — люди труда

© 2023 Будович Юлия Ивановна

доктор экономических наук, доцент, профессор Департамента экономической теории.  
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. Россия, Москва.  
E-mail: JBudovich@fa.ru

**Ключевые слова:** самозанятые рабочие, рабочий класс, креативность, креативный класс.

В данной статье посредством исторических примеров, обобщающих высказываний современников, сравнительного анализа креативности форм хозяйствования доказывается, что самозанятые рабочие являются наиболее перспективными носителями креативности в экономике, наиболее перспективным элементом креативного класса, в то время как теоретики креативной экономики не допускают сколь-нибудь значимого вклада рабочего класса в нарастание креативности экономики в будущем.

Современные специалисты по креативной экономике фактически не признают вклада в нарастание креативности в современной экономике (после 1950-х гг.) рабочего класса, а главное, возможности его какого-либо существенного участия в этом процессе в будущем. И на самом деле, как было показано в работе К. Н. Лебедева «Креативность, креативный класс, креативная экономика: явление и сущность», опубликованной в данном номере «Экономических наук», теоретики креативной экономики: 1) не включают лиц (преимущественно) физического труда, к которым относятся, в том числе, представители рабочего класса, в состав креативного класса, т. е. класса, выступающего носителем креативности и, следовательно, источником ее современного нарастания; 2) отрицают как будущее экономики переход рабочих к самозанятости на собственном капитале, означающий передачу креативности (управленческого, или умственного труда) от специализированных управленцев, в том числе инженеров, к рабочим и при этом ее наибольший всплеск (по причине большей

успешности рабочих в управлении своей деятельностью). Цель настоящей статьи — на основе исторических свидетельств показать, что люди труда (рабочие, или лица, производящие материальные блага, т. е. все блага, кроме духовных) являются наиболее перспективными носителями креативности в экономике, наиболее перспективным элементом креативного класса.

Как было показано выше, специалисты по креативной экономике фактически отрицают роль рабочего класса в обеспечении нарастания креативности в экономике, отмечаемого ими после 1950-х гг. и по настоящее время, прежде всего, тем, что не включают рабочих в состав креативного класса. Однако факт расширения участия рабочего класса в управленческом труде (творчестве, изобретательстве, предпринимательстве) в экономике в последние полвека (и даже более) сложно отрицать. Прежде всего, его отрицание противоречит содержанию процесса развития деятельности по управлению в экономике, находящему отражение в такой науке, как менеджмент. В вышеуказанной статье

К.Н. Лебедева приводились примеры реальных фирм, взятые из литературы по менеджменту, где рабочие были превращены в «почти» предпринимателей, т. е. в исполнителей почти всех функций управления на этих фирмах.

Отрицание участия рабочих в нарастании современной волны креативности противоречит такой тенденции в развитии техники на предприятиях, как автоматизация. В менеджменте давно установлено, что никто не может управлять автоматизированным процессом лучше, чем рабочий-оператор автоматизированной линии, в связи с чем автоматизация предполагает увеличение участия в управлении рабочих. И на самом деле, как отмечал П.Ф. Друкер, известный ученый из области менеджмента, в условиях внедрения новых технологий (автоматизации) труд не может быть адекватно организован, если от исполнения работы отделить ее планирование. Чтобы устанавливать оборудование и управлять им, программировать его, следить за его исправностью, рабочим требуются знания, ответственность и принятие решений, т. е. планирование, и завтра они должны планировать лучше, чем их непосредственные начальники сегодня [10, с. 282–287].

И теоретики креативной экономики так или иначе признают факт роста креативности рабочих. Р. Флорида, один из ведущих теоретиков креативности, пишет о массовом появлении «креативных» предприятий, т. е. предприятий, существенная роль в управлении которыми принадлежит рабочим, росте числа рабочих профессий с элементами креативности: «На фабриках и заводах часто именно рабочие, если им предоставляется шанс, вносят предложения, ведущие к существенному росту эффективности и производительности труда. Я постоянно наблюдал это при изучении работы предприятий в Японии и США... В настоящее время все больше производственных профессий требует креативности как условия приема на работу. На заводе компании Sony по производству электроники, расположенном неподалеку от Питтсбурга, как и на многих других современных промышленных

предприятиях, даже кандидаты на сборочную работу начального уровня обязаны пройти совокупность тестов для проверки..., например, умения решать проблемы и работать в самоуправляемых бригадах» [25, с. 51–52]. Р. Флорида признает и факт увеличения креативности в рабочих профессиях, где креативность уже получила «прописку»: «В труде фабричных рабочих и даже самого низкооплачиваемого обслуживающего персонала всегда был свой творческий элемент. Кроме того, доля креативности во многих рабочих и сервисных профессиях постоянно растет...» [25, с. 24].

Тем не менее, теоретики креативной экономики в целом рассматривают достигнутую рабочим классом к концу XX–началу XXI века креативность как весьма незначительную, которой можно пренебречь на фоне общей креативности и, соответственно, пренебречь ее вкладом в нарастание общей креативности. Об этом также говорит трактовка Р. Флоридой кризиса 2008 г. как кризиса фордизма: «Этот кризис... был обусловлен старым фордистским порядком...» [26, с. 10], «... со временем историки будут говорить о нем как о последнем кризисе старого фордистского индустриального порядка...» [26, с. 24]. Введение фордизма, тейлоризма, других систем НОТ, произошедшее в начале XX в. (где-то позже), означало окончательное закабаление труда, состоявшее в отъеме у рабочих функции управления собственным трудом при одновременном окончательном (пооперационном) разделении последнего. Окончательное закабаление труда, в том числе в форме фордизма, и означало сведение креативности рабочих к нулю.

Заметим, что если отъем у рабочего функции управления собственным трудом означал всего лишь запрет внешней креативности (более точно — ее сведение к наблюдению за соответствием осуществляемой деятельности планам и инструкциям и сообщению об отклонениях начальству), поскольку не мог помешать рабочему при желании исполнять эту функцию «про себя», т. е. не руководствуясь ею в своем физическом труде («а я бы, будь моя воля, сделал так»),

то окончательный отъем у рабочего интегрированного труда, т.е. переход к постоянному исполнению одной и той же операции, или к монотонному труду, подавлял саму способность к креативности, убивал и креативность «про себя». Исчезновение креативности у рабочего с переходом именно к окончательно разделенному труду связывал и А. Смит в знаменитом труде «Богатство народов» (1776), ниже цитируемый по Р. Флориде: «Человек, вся жизнь которого проходит в выполнении немногих простых операций..., не имеет повода и необходимости изощрять свои умственные способности или упражнять свою сообразительность... Поэтому он, естественно, утрачивает привычку к такому упражнению и обыкновенно становится таким тупым и невежественным, каким только может стать человеческое существо» [25, с. 33–34]. Именно до такого состояния и довела рабочих в начале XX в. НОТ. Конечно же, советские «фордисты» не могли признаться в том, что превращают рабочих, т.е. передовой класс общества, в тупиц, деликатно объясняя полную утрату рабочими креативности «утратой интереса к труду»: «Чем подробнее деление производственного процесса, тем больший характер самодовлеемости для рабочего приобретает та работа, которую он выполняет на своем месте. Его интерес замыкается в тесном кругу тех немногих воздействий, которые он оказывает на «обрабатываемое». В конце концов он не в состоянии представить себе роли и значения своего этапа в общем процессе создания «фабриката», того «законченного», которое является в результате усилий нескольких тысяч работников. Такое положение ослабляет волю к работе, убивает всякий интерес к труду, как к таковому, и низводит его лишь к интересу заработка» [24, с. 133].

Сам Г. Форд также не признавался в том, что превращал своих рабочих в тупиц, хотя не стеснялся называть «тупой» саму работу, которую он им поручал, например писал следующее: «Одна из самых тупых функций на нашей фабрике состоит в том, что рабочий берет стальным крючком прибор, болтает им в бочке с маслом и кладет его в корзину рядом с собой. Движение его

всегда одинаково. Он находит прибор всегда на том же месте, делает всегда то же число взбалтываний и бросает его снова на старое место» [24, с. 131].

Исходя из того, что, согласно теории креативной экономики, кризис 2008 г. был кризисом индустриального фордизма, можно сделать вывод, что, в соответствии с той же теорией, уровень креативности рабочих в 2008 г., несмотря на наличие многочисленных примеров роста их креативности после 1950-х гг., в целом был близок к нулевому, и только после этого кризиса креативность рабочего класса встала на траекторию роста.

Заметим, что в случае, если вклад рабочего класса в будущее нарастание креативности в экономике все же признается, то, чем ниже стартовый уровень креативности рабочего класса, тем больший вклад в дальнейший рост креативности в экономике он должен сделать. Но теоретики креативной экономики не признают возможности какого-либо существенного вклада рабочего класса в нарастание креативности в будущем даже при признании близким к нулевому ее стартовому уровню. Эта возможность отрицается разными способами. Так, Р. Флорида допускает рост креативности рабочих (и ее существенный вклад в общую креативность) только в порядке трансформации традиционных рабочих профессий в креативные занятия: «...Я могу предположить, что креативный класс... в последующие десятилетия будет продолжать расти, по мере преобразования традиционных экономических функций (рабочих и сервисных профессий. — примеч. авт.) в более креативные виды занятости» [25, с. 24]. Однако такая трансформация рабочих (и сервисных) профессий в списках креативных занятий Р. Флориды отражения не находит (см. выше). И, согласно 2-му изданию книги (и соответствующему представлению о составе креативного класса), такая трансформация рабочих (и сервисных) профессий — дело далекого будущего: «...Можно предположить, что в ближайшие десятилетия зарождающийся креативный класс будет расти

и развиваться, а традиционные экономические функции станут областями его профессиональных интересов» [26, с. 23]. И это — несмотря на то, что во 2-м издании Р. Флорида фактически объявил об уже свершившемся взрыве рабочей креативности, так как кризис 2008 г. в его трактовке был антифордистской революцией (см. выше). Надо сказать, что идея пополнения банка креативных занятий рабочими специальностями все же находит реальное воплощение. Так, в научном дайджесте (НИУ ВШЭ, 2023) отмечается, что «представители этого класса работают не только в креативных индустриях, но и в традиционных отраслях...» [14, с. 2], и, соответственно, к креативным профессиям его авторы относят, в частности, такие группы занятий, как специалисты-техники по радио- и телевидению, кузнецы, гончары, формовщики изделий из стекла [14, с. 14–15].

Как было показано выше, принципиальным для оценки креативности людей труда является решение вопроса о том, является самозанятость будущим современной экономики или нет. В наших работах было показано, что смена исторических тенденций товарообменной и трансфертной трансформации производственных отношений имеет силу общего экономического закона, т. е. закона, проходящего через всю человеческую историю, что в части эволюции способов производства (систем обеспечения субъектов экономики трудом и капиталом) данный закон проявляется как чередование экономик «своего» труда и капитала (экономик самозанятых) и экономик «чужого» труда и капитала (капиталистических экономик), что после появления человеческого общества первобытную экономику самозанятых, развившуюся из первобытно-общинного строя, сменила рабовладельческая экономика чужого труда и капитала, последнюю сменила феодальная экономика самозанятых, на ее место пришла капиталистическая экономика наемного труда и частного капитала, которую сейчас сменяет экономика самозанятых будущего. В полном соответствии с методом научного экономического исследования, общий экономический закон был выведен логическим путем

исходя из экономического принципа и подтвержден фактами из истории экономического быта [16].

Обосновывая современный переход к экономике самозанятых, мы не могли не уделить внимания несостоятельности главного аргумента сторонников наемного труда и частного капитала против экономики, основанной на индивидуальных хозяйствах (ИХ), а именно невозможности создания на основе ИХ крупных производств или использования в их рамках современной техники. Интересно, что Р. Флорида в своих обоснованиях бесперспективности самозанятости как основы экономики будущего, опровергнутых в вышеуказанной статье К. Н. Лебедева, почему-то не использует этого традиционного аргумента противников экономики самозанятости, возможно, из-за того, что понимает, что с каждым шагом НТП его становится все сложнее защищать. Подобным образом шаги НТП все более разоблачают «классовый» характер нежелания центробанков освобождать от гнета капиталистов средства расчетов в экономике, из которых последним шагом было изобретение цифровых валют центробанков [18]. Что касается несостоятельности главного аргумента противников экономики самозанятых, то мы показали, что путь к высокотехнологичному (и одновременно крупному) производству на базе ИХ лежит через автоматизацию действующих крупных производств, которая в итоге позволит одному человеку контролировать весь процесс крупного производства или его отдельную интегрированную часть, к высокотехнологичному (и более крупному) — через механизацию и автоматизацию индивидуальных интегрированных работ, исполняемых ИХ, например в (Лебедев, 2022) [15, с. 42], к крупному (и даже более технологичному) — через ассоциацию ИХ.

Что касается последнего, то нами было показано, что соответствующие возможности создания крупных производств на базе ИХ маскируются неадекватной теорией кооперативного социализма, относящей к соответствующему способу производства все экономические ассоциации

рабочих, тогда как реально к нему относятся только производственные кооперативы (ПК). ПК – ассоциация, при которой ассоциирующиеся рабочие теряют производственную самостоятельность, средства производства выбывают из личной собственности рабочих, объединяются и становятся их общей собственностью, в связи с чем ИХ рабочих фактически ликвидируются. Было показано, что ассоциации, образуемые ИХ рабочими, или самозанятыми, для решения различных вспомогательных по отношению к деятельности ИХ вопросов (сбыта, снабжения, финансирования, строительства дорог и т. д.), относятся к такой форме хозяйствования, как самозанятость, или ИХ, не использующее чужого труда, например в (Лебедев, 2022) [17, с. 25–26], в связи с чем полным названием соответствующего способа производства является «Экономика самозанятых (их ассоциаций)». Отсюда, в частности, следует, что расцвет в экономике такой «вспомогательной» кооперации является свидетельством расцвета экономики самозанятых, а признание креативности относящихся к ней хозяйств является признанием креативности образовавших их рабочих. Это создает дополнительные возможности для подтверждения особой креативности рабочего класса посредством исторических фактов.

Так, согласно литературе, посвященной отечественным артелям, красивые доходные дома и гостиницы, появившиеся в российских столицах в конце XIX–начале XX века, были построены артелями строителей, а их высокое качество и надежность поражают современных строителей, которые и близко не могут подойти к такому качеству работ. В Москве за сезон 1911 г. было построено 3 тыс. 5–7-этажных домов с исключительно высоким качеством работ, большинство из которых до сих пор служит москвичам без капитального ремонта. И те виды работ, которые производили артельщики, не могут выполнить строительные рабочие известных зарубежных фирм даже с использованием компьютерных технологий. Например, известная финская строительная фирма в процессе реконструкции не смогла выполнить в полном объеме все виды

столярных работ по отделке гостиницы «Метрополь», которая была построена и отделана в начале XX в. несколькими десятками артелей менее чем за 4 года [22]. Данные артели представляли собой весьма крупные подрядные строительные организации. При этом они фактически выступали сбытовыми сезонными ассоциациями кустарей, в данном случае крестьян, находящихся на отхожем промысле, каждый из которых выполнял основную работу индивидуально и на своих средствах производства. Таким образом, отмечаемая выше креативность строительных артелей – креативность самозанятых рабочих. Следует отметить, что в рассмотренном случае особая креативность самозанятых столяров находит выражение в их особой инновативности в части повышения качества выпускаемых товаров. Дело в том, что столярные изделия изготавливались ими по чужим (архитектурным), а не по собственным эскизам. При этом самозанятые российские столяры, работавшие со своими инструментами, смогли изготовить все виды изделий, тогда как в ходе современной реконструкции гостиницы требуемые изделия были вынужденно сведены к нескольким стандартизированным образцам [22].

Мы показали, что противники самозанятости в экономике не просто доказывали организационно-техническую несостоятельность ИХ, но и прилагали все усилия для того, чтобы лишить развитие экономики по пути самозанятости его соответствующих организационно-технических предпосылок. Было показано, что капиталисты развитых стран добивались законодательного запрещения ассоциаций самозанятых рабочих – как раз в то время [6, с. 26–27], когда развитие крупного машинного производства могло пойти по некапиталистическому пути, например крупное производство, в основе которого находится машина, обслуживающая несколько рабочих мест, могло быть учреждено в форме соответствующей ассоциации самозанятых рабочих, в складчину покупающих и дорогостоящую машину, и помещение для ее работы. Нами было показано, что капиталисты имели все основания

и возможности для того, чтобы развязать войну с НТП, идущим по пути механизации индивидуального труда, которую можно назвать капиталистическим «луддизмом» [6, с. 28]. Наконец, нами было показано, как противники самозанятости, внедрившись в рабочее движение, мешали соответствующей политической борьбе рабочих с капиталистами, в частности немало поспособствовали поражению европейских рабочих революций 1848–1849 гг., целью которых было восстановление экономики и общества самозанятых [7, с. 51–52].

В наших статьях в данном номере «Экономических наук» раскрывается связь общего экономического закона с креативностью (количеством и качеством умственного, или управленческого, труда) в экономике. Товарообменная трансформация способа производства (освобождение труда и капитала) сопровождается передачей функций управления от специализированных управленцев непосредственным производителям продуктов (не только рабочим, но и ученым, врачам, педагогам, людям искусства) и нарастанием общей креативности (в форме развития предпринимательства, творчества и изобретательства) в экономике за счет большей успешности в управлении собственной деятельностью непосредственных производителей, в связи с чем работники чаще и успешнее думают (несмотря на сокращение креативности управленцев). Трансфертная же трансформация способа производства (закабаление труда и капитала) сопровождается отъемом функций управления у непосредственных производителей и их закреплением за специализированными управленцами, в связи с чем общая креативность в экономике сокращается вследствие меньшей успешности сторонних управленцев в управлении деятельностью непосредственных производителей (несмотря на рост креативности управленцев).

Исходя из отмеченного выше, лучшим подтверждением креативности непосредственных производителей, в том числе рабочих, были бы свидетельства расцвета креативности в эпохи

(господства) самозанятости по сравнению со смежными эпохами. И, оказывается, есть обобщающие суждения на эту тему, принадлежащие видным ученым-экономистам, очевидно, основанные на надежных исторических исследованиях экономического быта. Об общем всплеске креативности в эпоху независимых городов, т. е. до прихода капитализма в промышленность, по сравнению с тем, что было раньше, говорит П.А. Кропоткин: «Мы видим это (неожиданно быстрое развитие как результат освобождения от ярма власти. — примеч. авт.) во времена независимых городов, настолько двинувших человечество вперед, в какие-нибудь двести или триста лет, в науках, искусстве, ремеслах, архитектуре, что раньше того времени за пять, десять веков не совершалось таких успехов...» [1]. О всплеске креативности рабочих (в форме творчества) до прихода капитализма, в данном случае по сравнению с тем, что стало позже, говорит один из лучших, по мнению В.И. Ленина, популяризаторов марксизма, зять К. Маркса Поль Лафарг: «Продолжительное ученичество и любовь к своему ремеслу работника, которого тогда еще не мучила забота о конкуренции сбыта, делали из него настоящего мастера. И ныне еще находим мы неувядаемые черты художественной ценности в зданиях церквей и соборов, в мебели, золотых изделиях, — во всех произведениях, которые составляют предметы восхищения наших художников и которых малейшая деталь носит печать оригинальности и самобытности. Все художественные школы нашего века, века прогресса и просвещения, еще не в состоянии выдвинуть таких мастеров, как цехи средних веков. Ремесленники сохранили свои необыкновенные способности до наступления капиталистического производства» [21].

Свидетельствами особой креативности рабочих, очевидно, могут быть данные о принадлежности технических изобретений в основном самозанятым рабочим в эпоху, когда в тех же отраслях промышленности уже были в значительной мере представлены капиталистические предприятия, и существовала развитая прослойка освобожденных управленцев (капиталистов, на-

емных управляющих, инженеров, ученых). Такой эпохой выступает 1-я половина эры промышленного капитализма в каждой стране, когда капитализм внедрялся в промышленность, но еще не стал в ней преобладающим способом производства. Как пишет Р. Флорида, время для появления капитализма в промышленности, очевидно, британской (примеч. авт.), пришло к началу XVIII в. [25, с. 75].

В наших работах приводились данные о повсеместном внедрении капитализма в промышленность в конце XVIII в., превращении его в преобладающий способ промышленного производства (по признаку завершения промышленного переворота) в Великобритании – в 1810-е–1820-е гг. или к началу 1840-х гг., в Германии – во 2-й половине 1850–1860-е гг., во Франции – через многие десятилетия после 1780-х гг. или в 1850–1860-е гг., в Италии – в последней трети XIX в. [7, с. 44] И анализ показывает, что изобретения в эпоху становления капиталистической промышленности в Великобритании делались в основном самозанятыми (и напрямую связанными с потребителями и поставщиками) рабочими. Об этом позволяет судить, в частности, книга буржуазного исследователя экономического быта Англии П. Манту (Mantoux). Несмотря на то, что, по заявлению марксистских издателей, «Манту как типичный буржуазный экономист не понял огромного значения исторического материализма, дающего единственно научный подход к общественным явлениям» [20, с. III] его книга о промышленной революции в Англии не раз издавалась в СССР – за то, что «содержит огромный конкретный материал по экономической истории Англии и дает картину промышленного переворота» [20, с. II]. Конечно же, как ученый, стоящий на службе у капиталистов, П. Манту не может прямо признать, что креативность ИХ в эпоху изобретений была выше креативности капиталистических предприятий, и говорит о ведущей роли в техническом прогрессе практики по сравнению с наукой: «Одно общераспространенное заблуждение... заключается во мнении, что технические изобретения всегда и везде были результатом практического

применения научных открытий. Мы нисколько не думаем оспаривать решительное влияние, оказываемое на технический прогресс естественными науками» [20, с. 165], но «всякий технический вопрос есть прежде всего вопрос практический и возникает сначала именно как таковой. Раньше чем встать как проблема перед людьми, обладающими теоретическими познаниями, он встает перед профессионалами как трудность, которую требуется преодолеть, или как материальная выгода, которой надо добиться... Экономическая необходимость и самопроизвольные усилия, вызываемые ею, достаточны для его (технического прогресса. – примеч. авт.) объяснения... Идея, внезапно рождающаяся в уме гениального человека и применение которой производит столь же внезапно экономическую революцию, – такова... романтическая теория изобретений. Действительность не показывает нам нигде таких примеров творчества «из ничего» ...» [20, с. 165]. При этом П. Манту не стесняется приводить чужие высказывания о роли самозанятых людей труда в развитии технического прогресса в рассматриваемую эпоху, например произнесенные в 1785 г. Адэром, адвокатом Ричарда Аркрайта следующие слова: «Общеизвестен факт, что самые полезные изобретения во всех ремеслах и мануфактурах были сделаны не кабинетными умозрительными философами, а смысленными ремесленниками во время хода привычных технических приемов, – людьми, знакомыми практически с тем, что составляло предмет их изысканий» [20, с. 165].

Конечно же, книга П. Манту пестрит конкретными примерами развития технического прогресса в Великобритании самозанятыми рабочими. Из этой книги мы можем, например, узнать, что некоторые изобретения людей труда позволяли не просто механизировать индивидуальный труд, но и даже отказаться от совместного труда, что подтверждает перспективность соответствующего направления НТП. Так, изобретение Джоном Кзем (Kau) в 1733 г. самолетного челнока позволило решить такую проблему, которую испытывали ткачи, как невозможность получить куски ткани значительной ширины, не занимая

для этого двух или более рабочих, так как ширина ткани одного ткача определялась длиной его рук [20, с. 166]. В 1738 г. Дж. Кэй, отправившись со своим изобретением в Лидс, натолкнулся на жестокую враждебность промышленников, объясняемую тем, что они были не прочь пользоваться его челноком, но не хотели за него платить [20, с. 167]. Но возникает вопрос, а не была ли эта враждебность борьбой капиталистов с НТП, механизмирующим индивидуальный труд, т. е. способствующим развитию конкурента капитализма – экономики самозанятых? Из книги П. Манту мы также узнаем, что самозанятыми разрабатывались варианты машин, на которых работают несколько рабочих, и их варианты для индивидуального труда, например прядильные машины Аркрайта и Харгривса соответственно [20, с. 171]. Конечно же, как ученый, служащий капиталистам, П. Манту предпочитает не раскрывать и самозанятое происхождение своих героев. Между тем, изначально они были самозанятыми: Джон Кей (1704–1764) – суконщиком, с 1730 г. занимался изготовлением деталей для ткацких станков [13], Ричард Аркрайт (1732–1792) – парикмахером, изготовителем париков, текстильщиком (патент на прядильную машину был получен им в 1769 г.) [4], Джеймс Харгривс (1720–1778) – ткачом (прядильную машину «Дженни» он создал в 1765 г.) [9].

Интересно, что сам Р. Флорида, исключая какой-то значительный вклад в общую креативность экономики рабочего класса (см. выше), фактически приводит данные о том, что в период становления промышленного капитализма основные технические изобретения принадлежали самозанятым рабочим. И на самом деле, Р. Флорида в качестве конкретных проявлений креативности в эпоху промышленного капитализма рассматривает, в частности, жаккардовый ткацкий станок, паровые двигатели Томаса Ньюкомена и Джеймса Уатта, конвертер Бессемера [25, с. 76–77], разумеется, не уточняя социальное положение изобретателей. Между тем, Жозеф Мари Жаккар (1752–1834) был самозанятым ткачом и также занимался починкой ткацких станков. В 1790 г. он приступил

к созданию своего станка и завершил эту работу в 1808 г. [5] Т. Ньюкомен (1663–1729), когда создавал паровой двигатель, был самозанятым кузнецом и торговцем скобяными изделиями (петлями, гвоздями, цепями). Кстати, его партнер Джон Калли (1663–1717) был самозанятым стекольщиком или водопроводчиком, а нанявший Т. Ньюкомена и Дж. Калли для изготовления рабочей модели своей паровой машины другой ее изобретатель Томас Савэри (1650–1715) [3] известен, в частности, тем, что работал аптекарем и имел механическую мастерскую в Лондоне [19]. Джеймс Уатт (1736–1819), когда приступил к работе над своей паровой машиной, был мастером по ремонту инструментов при Глазговском университете, а интерес к этой работе возник у него после того, как ему поручили починить принадлежавшую Университету ньюкастлскую паровую машину [23, с. 7–8]. При этом Дж. Уатт вовсе не был наемным работником Университета, а просто проживал на его территории, о чем говорят данные о том, что Дж. Уатт брал заказы за пределами Университета [12]. Окончательно новая (первая. – примеч. авт.) паровая машина была создана Дж. Уаттом через 4 года после того, как он после женитьбы (в 1764 г.) заимел собственную мастерскую в Глазго [23, с. 10]. Генри Бессемер (1813–1898) после окончания народной школы работал в мастерской отца для литья типографского шрифта, где ему поставили токарный станок и позволили делать из типографского металла все, что угодно, и Генри, в результате разносторонней практической работы обрел большие знания, проявляя интерес к разнообразным отраслям промышленности, а в 40 лет занялся сталелитейным делом и в 1856 г. запатентовал конвертер [8].

Следует отметить, что конвертер Бессемера является свидетельством особой креативности рабочих уже в эпоху господства промышленного капитализма в Великобритании, наступившего даже по самым скромным оценкам к началу 1840-х гг. (см. выше). Интересно, что такой символ организационной эпохи, начавшейся, по Р. Флориде, в конце XIX–начале XX века [25, с. 77], как автомобиль Г. Форда, также имеет ремеслен-

ное происхождение, причем в основе его создания лежало желание облегчить работу в индивидуальном хозяйстве. Генри Форд (1863–1947) родился в семье мичиганского фермера [27, с. 36]. Как вспоминает Г. Форд, «на нашей, как и на других фермах, приходилось тогда нести слишком много тяжелого ручного труда. Уже с ранней юности я думал, что многое можно делать иначе, каким-нибудь лучшим способом. Поэтому я обратился к технике...» [27, с. 36–37]. Поскольку самыми трудными работами была пахота и движение по сельским дорогам, Г. Форд задался целью построить легкую паровую тележку, которая могла быть использована в качестве и трактора, и экипажа. Легкую – потому, что сельские дороги в США не могли выдержать, подобно английским дорогам, крупные паровые трактора, использовавшиеся тогда в Англии для того, чтобы тащить целые обозы [27, с. 41–43]. И, как добавляет Г. Форд, «и мне казалось, что не стоит строить тяжелый трактор, его могли бы купить лишь немногие зажиточные фермеры» [27, с. 43]. В процессе изготовления экспериментальных тележек с паровым двигателем Г. Форд пришел к убеждению о непригодности парового двигателя для легкого экипажа, в связи с чем переключился на изготовление экспериментальных экипажей с двигателем внутреннего сгорания [27, с. 42–52]. Первая модель экипажа с двигателем внутреннего сгорания и стала производиться организованной в 1899 г. группой компаньонов «Детройтской Автомобильной Компанией», в которой Г. Форд, один из пайщиков Компании, исполнял функцию ответственного инженера [27, с. 54–56]. Таким образом, пригодный к массовому производству автомобиль был разработан Г. Фордом в ходе его индивидуальной деятельности по изготовлению экспериментальных моделей автомобилей. Хотя эта деятельность была некоммерческой, она была самозанятой, так как велась Г. Фордом для себя, на собственном капитале и финансировалась за личный счет, вначале – за счет доходов от фермерского хозяйства, затем – за счет доходов от труда по найму в качестве инженера в Детройтской Электрической Компании [27,

с. 47].

При этом Г. Форд фактически указывает на то, что отделение производителя от сбыта, подчинение его капиталистическому заказу, означает конец креативности производителя в форме творчества (разработки новых продуктов и совершенствования выпускаемых). Как пишет Г. Форд о работе вышеуказанной компании, «три года мы продолжали строить автомобили, – все, более или менее, по моей первой модели. Однако, мы имели лишь небольшой сбыт; я был совершенно одинок в своих стремлениях усовершенствовать автомобили и этим путем приобрести более широкий круг покупателей. У всех была одна мысль: набирать заказы и продавать как можно дороже... Так как я, на своем посту инженера, за пределами своего круга деятельности, не имел никакого влияния, то скоро понял, что новая компания не была подходящим средством для осуществления моих идей... В марте 1902 года я покинул поэтому свой пост, твердо решив никогда больше не занимать зависимого положения» [27, с. 56].

Подтвердить особую креативность самозанятого рабочего класса можно путем сравнения качества аналогичных изделий, выпускавшихся в одно и то же время самозанятыми рабочими и капиталистическими предприятиями, т. е. креативности в части творчества. Много данных о качественном превосходстве изделий самозанятых рабочих дает история российской промышленности конца XIX–начала XX в. Как выясняется, именно кустарная промышленность быстро среагировала на возрастание спроса в 1880-е гг. со стороны крестьянских хозяйств на сельскохозяйственную технику (веялки, молотилки, зерносушилки и т. д.). В 1896 г. в 17 губерниях сельскохозяйственные машины выпускали 1137 мастерских. И исследователи отмечали, что мелкие мастерские выпускали машины лучшего качества, более приспособленные к местным географическим и климатическим условиям и более дешевые, чем фабричные [11]. Показательно также следующее сравнение качества товаров российских кустарей, поставлявшихся

за границу, с качеством аналогичных импортных товаров, поступавших на российский рынок, очевидно, фабричного производства: «...Петербургский журнал «Домашний ремесленник» сетовал, что «мы снабжаем нашим национальным богатством иностранцев, а сами выписываем уродливую, антихудожественную и непрочную заграничную стряпню — и игрушки, и мебель, и кружево, и ткани» [2].

В настоящее время роль самозанятого рабочего класса в развитии научно-технического прогресса в соответствии с капиталистической традицией продолжает замалчиваться (посредством такого простого приема, как сокрытие социального положения изобретателей и ученых). Заметим, что иное было перед Февральской революцией 1917 года, когда решался вопрос, пойдет социально-экономическое развитие страны по пути дальнейшего закабаления труда и капитала или, наоборот, по пути их осво-

бождения. Тогда популярностью пользовалась литература об участии самозанятых людей труда в развитии научно-технического прогресса, и оно даже подчеркивалось в названиях соответствующих книг, например книги Н. А. Соловьева-Несмелова «Гении-изобретатели и люди труда» (1917) [23].

Таким образом, история народного хозяйства свидетельствует о том, что люди труда являются наиболее перспективными носителями креативности в экономике, наиболее перспективным элементом креативного класса. Для того, чтобы максимально задействовать их креативный потенциал на благо экономики и общества, необходимо всемерно способствовать формированию организационно-технических предпосылок для их перехода на самозанятость и использование в деятельности собственного капитала, создающие максимально благоприятные условия для проявления ими креативности.

### Библиографический список

1. «Хлеб и воля» - Кропоткин Петр Алексеевич / [www.rulit.me](http://www.rulit.me). — URL: <https://www.rulit.me/books/hleb-i-volya-read-264751-10.html>.
2. Архангельская И. Российский кустарь / Историк. — URL: <https://xn--h1aagokeh.xn--p1ai/posts/2021/06/01/rossijskij-kustar.html>.
3. Беллис М. Биография Томаса Ньюкомена, изобретателя паровой машины // Гуманитарные науки. 15.07.2019. — URL: [https://translated.turbopages.org/proxy\\_u/en-ru.ru.31a9e299-641d4104-c5dc8dfe-74722d776562/https/www.thoughtco.com/thomas-newcomen-profile-1992201](https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.31a9e299-641d4104-c5dc8dfe-74722d776562/https/www.thoughtco.com/thomas-newcomen-profile-1992201).
4. Биография Ричарда Аркрайта - кратко / [www.istmira.com](http://www.istmira.com). — URL: <https://www.istmira.com/drugoe-novoe-vremya/16012-biografija-richarda-arkrajta-kratko.html>.
5. Бондаренко О. Французский изобретатель Жозеф Мари Жаккар: кибернетика и жаккардовая ткань / FB-RU. — URL: <https://fb.ru/turbopages.org/fb.ru/s/article/347966/frantsuzskiy-izobretatel-jozef-mari-jakkar-kibernetika-i-jakkardovaya-tkan>.
6. Будович Ю. И. Коренной интерес пролетариата — построение не коммунизма, а общества самозанятых // Экономические науки. — 2022. — 12 (217). — С. 21–33. — DOI: [10.14451/1.217.21](https://doi.org/10.14451/1.217.21).
7. Будович Ю. И. Царство будущего могло возникнуть на базе феодализма, минуя капитализм // Экономические науки. — 2022. — 10 (215). — С. 42–54. — DOI: [10.14451/1.215.42](https://doi.org/10.14451/1.215.42).
8. Генри Бессемер. Биография / [medium.com](http://medium.com). — URL: <https://medium.com/@anvarjonsultopov/биография-b83cea543a>.
9. Джеймс Харгривс - биография / Биограф. — URL: <https://biographie.ru/uchenie/djeims-hargrivs>.
10. Друкер П. Ф. Практика менеджмента. — М. : Вильямс, 2002. — 398 с. — ISBN 5-8459-0085-9.
11. Жилинкова И. Роль кустарной промышленности в процессе индустриализации страны (70–90-е гг. XIX) / Русстрана. 11.10.2007. — URL: [http://xn--80aa2bkafhg.xn--p1ai/32218/Rol-kustarnoy-promishlennosti-v-protsesse-industrializatsii-strani-\(70-90-e-gg.-XIX\)](http://xn--80aa2bkafhg.xn--p1ai/32218/Rol-kustarnoy-promishlennosti-v-protsesse-industrializatsii-strani-(70-90-e-gg.-XIX)).
12. Иванов А. Шотландская заря паровой эры. Как механик Джеймс Уатт просто пытался выжить — и положил начало промышленной революции / НОЖ. — URL: <https://knife.media/james-watt>.
13. Кей. Большая советская энциклопедия / [gufo.me](http://gufo.me). — URL: <https://gufo.me/dict/bse/Кей>.
14. Креативный класс России: портрет в цифрах: научный дайджест. Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала. — М. : НИУ ВШЭ, 2023. — 16 с.
15. Лебедев К. Н. Индивидуальное хозяйство — самая эффективная форма хозяйствования? // Экономические науки. — 2022. — 1 (206). — С. 38–47. — DOI: [10.14451/1.206.38](https://doi.org/10.14451/1.206.38).

16. Лебедев К. Н. Общий экономический закон и исторический ряд способов производства с точки зрения теории альтернативных финансов // Экономические науки. – 2022. – 10 (215). – С. 13–21. – DOI: [10.14451/1.215.13](https://doi.org/10.14451/1.215.13).
17. Лебедев К. Н. Сущность анархизма // Экономические науки. – 2022. – 10 (215). – С. 22–30. – DOI: [10.14451/1.215.22](https://doi.org/10.14451/1.215.22).
18. Лебедев К. Н. Сущность цифрового рубля с точки зрения экономической теории // Экономические науки. – 2022. – 2 (207). – С. 97–105. – DOI: [10.14451/1.207.97](https://doi.org/10.14451/1.207.97).
19. Маккинни Л. Томас Савери: биография и вклад / Warbletoncouncil. – URL: <https://ru1.warbletoncouncil.org/thomas-savery-16889>.
20. Манту П. Промышленная революция XVIII столетия в Англии (Опыт исследования). – М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1937. – 440 с.
21. Пролетариат физ. и пролетариат умствен. труда ч. 1. Беспартийные Коммунисты / Проза.ру. – URL: <https://proza.ru/2020/07/15/1397>.
22. Скупов Б. Артель – уникальная, оптимальная и перспективная форма организации труда в строительной отрасли / Строительный эксперт. – URL: <https://ardexpert.ru/article/19689>.
23. Соловьев-Несмелов Н. А. Гении-изобретатели и люди труда. – М. : Издание т-ва И. Д. Сытина, 1917. – 160 с.
24. Стрельбицкий С. Фордизм и его будущее. Опыт анализа организационной системы. – Харьков. – Украинский рабочий, 1926. – 156 с.
25. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. – Пер. с англ. – М. : Классика-XXI, 2007. – 421 с. – ISBN 978-5-89817-185-8.
26. Флорида Р. Креативный класс. Люди, которые меняют будущее. – Пер. с англ. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2016. – 384 с. – ISBN 978-5-00057-733-2.
27. Форд Г. Моя жизнь. Мои достижения. – 4-е изд. – Ленинград : Время, 1925. – 328 с.